

Олег КУЗНЕЦОВ,

кандидат исторических наук (Москва)

Окончание. Начало в № 5 (59)

Нашествие или исход?

Переселение армян в Закавказье в 1829-1831 гг. в трудах российских военных историков второй трети XIX – начала XX столетия

В первой трети XIX века, с переходом Закавказья под власть Российской империи началось организованное массовое переселение в этот регион армян из соседних стран. Армяне, переселявшиеся из Персии в российские владения в Закавказье, были ограничены в выборе нового места жительства территориями бывших Эриванского и Нахчыванского ханств. **На землях этих ханств, присоединенных к России по Туркманчайскому мирному договору, Высочайшим указом императора Николая I от 21 марта 1828 года была образована Армянская область, призванная стать буферной зоной между православной Грузией и мусульманским Востоком.** Армяне традиционно жили в Эривани, Нахчыване и Ордубаде, занимаясь ремеслом и торговлей, но не составляя там ранее этнического большинства. По подсчетам В.Н.Григорьева и И.И.Шопена, **до начала массовой иммиграции армян численность населения двух ханств, а впоследствии – области составляла около 100 тысяч человек, а если быть точным – 99411 чел., из которых мусульман 74 260, а армян – 25 151.** В 1830 году из Персии в Эриванскую провинцию Армянской области переселилось 23 568 «душ армян обоего полу», в Нахчыванскую провинцию – 10652 человек, в Ордубадский округ – 1340, что в общей сложности составило 35560 человек [7, с. 636-637]. В результате **число армян возросло более чем в два раза, и общее число их сравнилось с коренным азербайджанским населением, а сама область наконец-то стала оправдывать данное ей Николаем I название.** Особенно сильно при этом изменился состав городского населения: так, в 1831 году в Нахчыване числилось 2791 семейство мусульман – кенгерлинцев и курдов и 2719 семейств армян, из которых толь 434 были местными, а 2285 – переселенными из Персии [1, с. 31].

Переселение армян из Персии сопровождалось целым рядом эксцессов, самым громким из которых стала предыстория гибели в Тегеране российского посольства во главе со статским советником А.С.Грибоедовым, известным литератором и композитором. Причиной убийства толпой иранцев

русского посланника стало пикантное обстоятельство, напрямую связанное с переселением христиан из Персии в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора. В помещении российской миссии укрылись две наложницы-грузинки из гарема персидского шаха Фетх-Али-шаха и привезший их туда Мирза-Якуб, армянин по национальности, являвшийся казначеем и главным евнухом гарема, который требовал свободного переезда в Армянскую область. Очевидно, что эти люди могли рассказать много нелицеприятного про жизнь шахского двора, а поэтому их переезда в российские владения правитель Персии не мог допустить. В личном разговоре с шахом А.С.Грибоедов отказался выдать этих людей, после чего 30 января 1829 года российская дипломатическая миссия была перебита экзальтированной толпой: 37 сотрудников и конвойных казаков стали первыми жертвами политики репатриации армян в Закавказье с территории современного Ирана.

В отличие от спонтанного и весьма неорганизованного переселения армян из Персии в Закавказье, аналогичные действия штаба Отдельного Кавказского корпуса в отношении греков и армян – османских подданных носили характер целенаправленной миграционной политики, являвшейся частью реализации планов расширения российской военно-политической экспансии в этой части Передней Азии. Граф И.Ф.Паскевич-Эриванский накануне военной кампании в июне 1829 года в депеше на имя министра иностранных дел Российской империи графа К.В.Нессельроде писал, что стратегической целью на очередной год войны является отторжение от Турции Карского пашалыка как местности с благоприятным климатом, пригодной к развитию сельского хозяйства, размещению войск и баз их снабжения, а также заселение этих земель выходцами из Османской империи христианского вероисповедания. Верховная российская власть, имевшая самое смутное представление о реальном положении дел в Закавказье, с недоверием воспринимала саму возможность переноса границы столь далеко вглубь османских владений, а поэтому предполагала при будущем подписании мира огра-

Памятник 150-летию переселения армян в Карабах в селе Марагашен-Ленинаван Мардакертского-Агдаринского района. Открыт в 1978 г., перестроен армянскими сепаратистами в 1988 г. Фото 1978 г.

ничиться присоединением Ахалцихского пашалыка с крепостью Ахалкалаки, а выведенных из Турции под прикрытием войск греков и армян разместить в Имеретии. И.Ф.Паскевич категорически возражал против этого, справедливо указывая, что Имеретия является забытым Богом краем, и будут «нужны многие годы, чтобы трудолюбие человека расчистило вековые леса, осушило болота и, проникнув в места доселе непроходимые, обратило их в сады и цветущие нивы», и добавлял: «...переселять жителей из благословенного климата Турции в места, известные своим убийственным влиянием на здоровье, значило бы подвергнуть их неизбежной гибели» [5, с. 437].

Итак, как мы видим, пока Петербург и Тифлис искали взаимопонимания в вопросе определения пределов расширения русского военного влияния в Закавказье, **вопрос о выводе греков и армян, живших в турецкой Анатолии, из-под османского владычества и передачи их в подданство Российской империи воспринимался как сам собой разумеющийся. Практической реализации этого проекта придавалось особое значение не только с религиозно-политической точки зрения, но и в силу его стратегической военно-хозяйственной значимости.** Как метко подметил В.А.Потто, репатриация греков и армян в Россию нанесла бы существенный урон оборонному потенциалу азиатских вилайетов Турции: анатолийские греки являлись единственными рудокопами на казенных медных и серебряных рудниках Гюмиш-Хане в Байбуртском пашалыке Османской империи, и без рабочих рук эти копи становились мертвым грузом в руках султанской казны, а с переселением армян рушилось все вотчинное землевладение турецких агаларов и тимаров, из числа которых в военное время набирались спаги и акынджи – поместная конница, поскольку армяне

в основной своей массе в их хозяйствах являлись райи – барщинными крестьянами или батраками [5, с. 452-453]. Таким образом, военная кампания 1829 года в Азиатской Турции велась русскими войсками не только за овладение стратегически выгодными рубежами или территориями, но и за рабочие руки, которые бы стали эти земли осваивать в соответствии с планами российских властей. А поэтому подготовка репатриации армян и греков получила централизованную организационную основу и была поставлена на широкую ногу.

По сведениям В.А.Потто, еще в 1828 году граф И.Ф.Паскевич-Эриванский распорядился учредить в Тифлисе Особый комитет по переселению в структуре канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса, на который была возложена разработка планов по организации иммиграционной политики [4, с. 317]. Следует отметить, что этот глава российской администрации на Кавказе крайне отрицательно относился к переселению турецких армян и греков в Закавказье в военное время по двум причинам: с одной стороны, это обезлюдит бы край, и действующие войска Отдельного Кавказского корпуса остались бы без продовольственного снабжения, которое им обеспечивало армянское население турецких вилайетов; с другой стороны, переселение армян сразу бы продемонстрировало туркам нежелание русских удерживать захваченные пашалыки, что могло неблагоприятно сказаться на атмосфере будущих мирных переговоров: османы поймут, что **целью войны для русских в Закавказье является не захват территорий, а овладение их людскими ресурсами** [4, с. 311]. Поэтому И.Ф.Паскевич предлагал начать переселение только после заключения мира.

В целях рациональной организации иммиграции

В.И. Мошков. Переселение 40000 армян из Персии в русские пределы под личным распоряжением полковника Лазарева в 1828 г. Гравюра. Первая половина 1830-х гг.

турецких армян в Закавказье Особый комитет по переселению разделил всех потенциальных мигрантов на три категории: как пишет В.А.Потто, к первой были отнесены люди, принадлежащие к торговому сословию, ко второй – мастера или занимающиеся какими-нибудь ремеслами и промыслами, а к третьей – хлебопашцы. Эти категории комитет имел в виду и при самом отводе земель для размещения переселенцев. Купцов и мастеров предполагалось водворять в городах или там, где их торговля и ремесла могли обращаться с выгодой; поселян – в деревнях, на земле, удобной для хлебопашества и скотоводства. **Заботливость чиновников переселенческого комитета об армянах-репатриантах**, отмечает В.А.Потто, простерлась до того, что они «старались принимать в соображение климатические условия их родины, и жителей горных стран селили на возвышенностях, а живших на плоскостях – в равнинах». Этой мерой они «желали сберечь переселенцев от смертности и предохранить их от разорения, неминуемо грозившего им с переменой занятий, которые не одни и те же в горах и на плоскости». Также особое внимание было обращено на то, чтобы «хлебопашцев водворять целыми селами, как они жили на родине, а при невозможности этого, по крайней мере, в ближайшем соседстве». При этом было приказано земли переселенцам отводить только казенные, и лишь в исключительных случаях – церковные или помещичьи [4, с. 317-318].

Первые две категории переселенцев также были обеспечены прекрасными стартовыми условиями на новом месте жительства, создаваемых за счет имущества Российской империи и ущемления интересов местного мусульманского населения. В.А.Потто пишет, что «для размещения ремесленников комитет указал многие казенные здания в Елисаветполе (Гяндже – О.К.) и в других городах, которые с небольшими приспособлениями легко могли обратиться в магазины или мастерские, а для поддержания самих ремесел разрешено было отпустить переселенцам из доходов Ширванской области до полутора пудов шелка и до тысячи пудов хлопчатой бумаги». Иными словами, **российская администрация на Кавказе безвозмездно обеспечила переселенных армянских торговцев и ремесленников всем необходимым, поставив их тем самым в максимально благоприятные конкурентные условия в сравнении с коренным населением**, традиционному хозяйству которых тем самым был нанесен ущерб.

Также следует обратить внимание на социально-политический аспект иммиграции армян в Закавказье из Турции и Персии. В результате переселения большинство армян резко повысили свой сословно-имущественный статус: из османского сословия райя они превращались в государственных крестьян и приравнивались по объему обязанностей к «кавказским туземным жителям», освобожден-

ным от многих феодальных повинностей, в первую очередь от рекрутского набора в армию, а впоследствии – воинской повинности. В итоге в Российской империи сложились две категории христиан: православные, в основной своей массе являвшиеся крепостными крестьянами, несшие все феодальные повинности, и армяне-григориане, обремененные лишь денежным оброком. По сути, **армяне в Закавказье в одночасье приобрели сословные права и привилегии, сопоставимые со статусом сословия однодворцев – землевладельцев, свободных от государственной службы, что поставило их в исключительное положение по сравнению не только с мусульманским населением Закавказья, но и в сравнении с преимущественно русским по национальной принадлежности крестьянством Европейской России.**

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить особое внимание. Армяне из Османской империи в Закавказье переселялись частично вооруженными. В.А. Потто пишет: «...армяне турецкие, и в Карсе и в Баязете, охотно шли в ополчение и формировали в помощь русским войскам и конные, и пешие дружины. Многие отказывались даже от жалования и служили на собственном иждивении. В Баязете некто из почетных армян, некто Мелик Мартирос, сам предложил сформировать целый батальон армян в пятьсот человек без всякой платы и содержания, лишь бы правительство отпустило триста ружей вдобавок к тем двумстам, которые у него уже были. Ружья были отпущены, и когда батальон был сформирован в течение нескольких дней, Паскевич приказал назначить Мартироса его командиром» [4, С. 175]. Этот факт интересен нам не как свидетельство коллаборационизма турецких армян в пользу войск Отдельного Кавказского корпуса, и даже не как доказательства их преступной деятельности в отношении Турции в то время (райи – немусульманское податное население, – к числу которых относились и все армяне, в Османской империи не могли по закону иметь оружие). Дело в том, что при переселении в российские владения в Закавказье армяне сохраняли на руках оружие, с которым они пришли на русскую службу, и в арсеналы сдавали только то, которое им выдавалось на время войны от казны. Все остальное оружие, главным образом турецкое, они сохранили на руках, и с ним иммигрировали в Россию, где могли отстаивать свои интересы перед местными жителями не только силой закона, но и посредством вооруженного принуждения.

Итак, как было сказано выше, первую волну репатриантов составили армяне Эрзерумского и Байбуртского пашалыков, избравшие для своего жительства земли Ахалцихского пашалыка, отошедшие по Адрианопольскому мирному договору

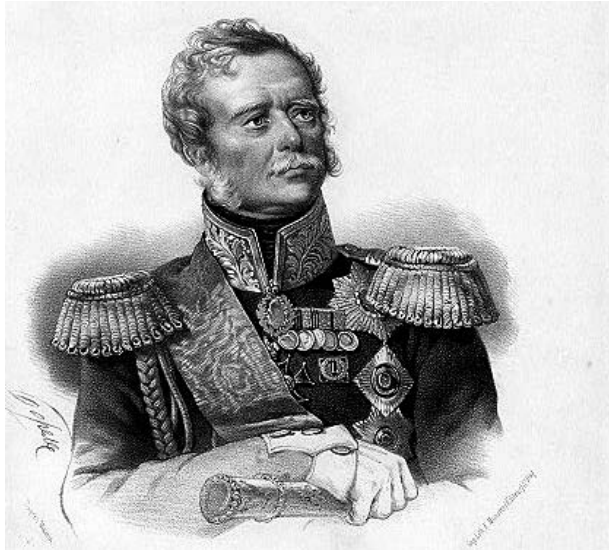

*Статский советник, министр-посланник
Александр Сергеевич Грибоедов (1795-1829) -
идеолог переселения армян в Закавказье*

к России, поскольку, как пишет В.А.Потто, «климат и местность его ближе подходили к их родине». Здесь к 1831 году осели на жительство до 35 тысяч бывших турецких армян, полностью вытеснивших из этой местности коренное лазское население, изгнанное отсюда российскими войсками в ходе боевых действий. Аналогичная судьба постигла и лазское население Памбакской дистанции – административной единицы Закавказья, вошедшей в состав Российской империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 года, и одноименной долины, на которой располагался город Гумры (Гюмри – О.К.), где осенью 1829 года поселилось 500 семей армян из Эрзерума и 400 – из Карса, а год спустя – еще 2000 армянских семей из Эрзерума. Тогда же армянами была заселена Лорийская котловина, а также склоны горы Алагез, где, как указывает В.А.Потто, «много было пустых деревень, покинутых жителями еще с последнего персидского вторжения» (имеется в виду 1826 г. – О.К.) [5, с. 453-454]. Таким образом, именно в **1830 году армянские переселенцы из Эрзерума и Байбурта впервые осели на землях, принадлежавших до этого лазам, на территории которых располагались исторические области – Памбаки и Шурагель, сегодня входящие в состав Армении.**

Вторую волну армянских переселенцев в российское Закавказье составляли выходцы из Карса и Баязета, приграничных вилайетов османской Турции. Их путь также лежал через Памбаки и Шурагель

Генерал-фельдмаршал, Светлейший князь и граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782-1856) - организатор переселения армян в Закавказье.

прямиком в Борчалы и Карабах, а оттуда – в вышеупомянутую «Армянскую область». По свидетельству В.А.Потто, их путь пролегал «по таким местам, где сидело сплошное армянское население» [5, с. 455]. **В землях Армянской области иммигранты-армяне из Османской Порты были поселены следующим образом: в Эриванской провинции – 21639 человек, в окрестностях Нахичевани – 27 человек, вследствие чего численность исконного азербайджанского и пришлого армянского населения этой административной единицы Российской империи сравнялись между собой** [7, с. 637-638].

Несмотря на все планы и приготовления Особого комитета по переселению канцелярии главноуправляющего гражданской частью штаба Отдельного Кавказского корпуса и лично его главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа И.Ф.Паскевича-Эриванского, исход армян из Турции в области российского Закавказья сопровождался не только значительным числом физических, финансовых, административных и политических, но еще и юридических проблем, которые приходилось решать непосредственно в процессе реализации этого грандиозного по масштабам того времени проекта. В особенно бедственном положении оказались армяне-хлебопашцы, поселенные в окрестностях Ахалциха буквально «в никуда». В.А.Потто в нескольких фразах описывает эту ситуацию так: «...Ахалцихский пашалык в продолжение войны обезлюдел, и поэтому оставшиеся земли после турок, бежавших за границу, как пустопорожние места стали считаться казенными. Их-то и отвели теперь переселенцам. Но едва на этих землях водворились армяне, как из-за границы начали

возвращаться прежние владельцы, чтобы, пользуясь правом мирного трактата, продать их в чужие руки и опять удалиться в Турцию. Мусульмане продавали свои земли только мусульманам, и покупщики приобретали их за ничтожную цену. Из этого вышло то, что более 1600 семей неожиданно очутились на земле частных владельцев и лишились всех дарованных им преимуществ. Новые помещики потребовали от них деньги за пользование землей и стали их взыскивать при помощи земской полиции, которая не могла отказать им в этом законном требовании. В результате вышла путаница, вредная и казне и переселенцам, пришлось скупать все частные земли, на которые переселились армяне, платя владельцам уже двойную сумму, или переселять армян с места на место» [5, с. 455]. Спекуляции с казалась бы, «ничейной» землей увеличили стоимость проекта переселения армян в Закавказье в несколько раз, сведя в итоге на нет все экономические выгоды для Российской империи, которые он первоначально сулил. Именно поэтому в 1834 году была создана комиссия барона П.В. фон Гана, которой предстояло разработать «Положение об управлении Закавказским краем», призванное поставить армян в один общий ряд с иными подданными Российской империи.

Социально-политические последствия переселения армян в Закавказье для исконных жителей этого региона по-военному четко и кратко охарактеризовал М.Д.Лихутин, в силу своего служебного положения и воспитания симпатизировавший армянам, что не помешало ему предельно конкретно охарактеризовать положение дел в областях, куда были переселены представители этого народа к началу Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Он писал: «Армяне скоро пристали к русским, выучились русскому языку, воспитываются в русских школах и поступают на русскую службу, в которой они по правам своего образования тотчас пользуются всеми преимуществами, присвоенными высшему сословию. **Большая часть чиновников Эриванской губернии была из армян... Без сомнения надо допустить и то, что чиновник-армянин не мог в короткое время освободиться от чувства неприязни и даже мщениия своего народа к своим прежним притеснителям, и эти чувства невольно могли выражаться в новом его положении, при выполнении на месте правительственных обязанностей** своего нового звания – русского чиновника; надо допустить, что в некоторых случаях он был пристрастен в пользу своего брата армянина и во вред мусульманина, что по его тайному убеждению или по чувствам, это было справедливо и законно» [2, с. 2-3].

Если пересказать эту цитату современным языком, то получается, что второе поколение армян,

переселенных в российское Закавказье из Турции и Персии в 1828-1831 гг., при поддержке и попустительстве русских властей смогло монополизировать власть на местах и тем самым подчинить себе в административном отношении мусульманское население. Армяне, опираясь на русское оружие, буквально через четверть века после своего переселения стали доминирующей этнической группой в регионе и впоследствии стали претендовать на собственную автохтонность для Южного Кавказа, как это задолго до них сделали иудеи в отношении Палестины, хотя сами являлись выходцами из Египта. ■

Литература

1. [Григорьев В.Н.] Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В.Г. – СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1833.
2. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863.
3. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992.
4. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт. – Т. 4. Турецкая война 1828-1829 годов. – М.: Центрполиграф, 2006.

5. Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России: В 5-ти тт. / Под ред. Н.Н.Белявского и В.А.Потто. – Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901-1908.
6. Ушаков Н.И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца и К°, 1836.
7. Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1852.

The second part of the article uses archival and literary material to provides information about the differences between the mass resettlement of the Armenians to the Russian South Caucasus from Iran and the Ottoman Empire, which was intended to create a Christian buffer between Russia's possessions and Muslim neighbors of the Russian Empire. The author describes the surrounding circumstances, political, social and economic consequences of these large-scale actions of the Russian authorities for the Armenian settlers and the local Muslim population.

